

Дмитрий Иванов

Питирим Сорокин и русские революции

Судьбу единственного русского социолога, вошедшего в состав мировой социологической элиты, Питирима Сорокина (1889–1968), и судьбу его творческого наследия во многом и в главном определили революции, трижды сотрясавшие Россию в XX веке.

Во время первой русской революции 1905–1907 годов юный Сорокин, учившийся тогда в церковно-учительской школе в Костромской губернии, стал агитатором за республику и пропагандистом крестьянского социализма. По воспоминаниям Сорокина, именно опыт участия в политических дебатах и общение с политическими арестантами в тюрьме города Кинешмы, куда он был заключен на четыре месяца за организацию эсеровского кружка, подвигли его к изучению общественных наук. Перебравшись в Санкт-Петербург и став студентом сначала Психоневрологического института, а затем Петербургского университета, Сорокин и во время учебы оставался эсеровским активистом и в 1913 году снова ненадолго был арестован по подозрению в антиправительственной деятельности.

Во время второй русской революции 1917–1921 годов Сорокин был уже заметным эсеровским политиком и публицистом. Он принимал деятельное участие в организации крестьянского съезда весной 1917 года, в июле стал секретарем главы Временного правительства А.Ф. Керенского, осенью был избран депутатом Учредительного собрания. После захвата власти большевиками Сорокин печатал политические памфлеты в оппозиционных газетах. В январе 1918 года он был арестован и провел два месяца в Петропавловской крепости. Выпущенный по ходатайству знакомых с ним по прошлой борьбе с царским режимом членов социал-демократической партии, Сорокин продолжил антибольшевистскую агитацию и даже отправился в Великий Устюг для подготовки вооруженного восстания.

Осуществить этот план Сорокин не смог, осенью 1918 года он вынужден был сдать власть. В тюрьме приговоренный к смертной казни Сорокин пошел на отказ от политической деятельности и в открытом письме, опубликованном в нескольких газетах, отрекся от партии эсеров и прежних убеждений. Это спасло ему жизнь, а внимание к его заявлению председателя большевистского правительства В.И. Ленина, прочитавшего перепечатанное газетой «Правда» покаянное письмо Сорокина и ответившего на него в той же «Правде» статьей с характерным названием «Ценные признания Питирима Сорокина», помогло выйти на свободу и вернуться к академической карьере.

Главным итогом второй русской революции лично для Сорокина стал окончательный поворот к науке. И к революции он стал относиться как к объекту изучения. После 1918 года Сорокин становится пристрастным, но вынужденно безмолвным наблюдателем, а в эмиграции, куда он отправился в 1922 году, стал признанным аналитиком и затем — теоретиком революции.

Об авторе | Дмитрий Владиславович Иванов — доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Первой его аналитической работой о революции стала написанная в основном в Праге, но опубликованная в 1924 году уже в США книга «Листки из русского дневника». В этом произведении Сорокин в описании и оценке событий все еще выступает скорее как политик, чем как социолог. Особенно это заметно в том, как он всячески подчеркивает свою собственную роль в Февральской революции, рисует себя решительным и прозорливым на фоне «уставших» или «растерянных» Родзянко, Керенского и других центральных фигур того периода. Научный анализ событий 1917–1922 годов Сорокин дал в следующей своей книге, которая вышла в 1925 году. В «Социологии революции» он сформулировал и обосновал антиреволюционную теорию революции.

Сорокин констатирует, что «революция суть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс». Главный для всех теорий революции вопрос о предпосылках Сорокин решает, вводя формулу трех необходимых составляющих всякого революционного взрыва: 1) растущее подавление «базовых инстинктов»; 2) его всеобщий характер; 3) бессилие «групп порядка», то есть правительства и властвующей элиты, не способных противостоять восстанию. Детальное рассмотрение подавления «базовых инстинктов» приводит Сорокина к выделению шести причин революции:

- 1) подавление пищевого инстинкта (что проявляется в массовом голоде);
- 2) подавление собственнического инстинкта (обнищание масс);
- 3) подавление инстинкта самосохранения (военные поражения, казни оппозиционеров, репрессии против этнических и религиозных групп);
- 4) подавление полового инстинкта (сексуальная депривация);
- 5) подавление инстинкта свободы (ограничение передвижений, коммуникаций);
- 6) подавление инстинкта самовыражения (ограничения на самореализацию, отсутствие социальной мобильности).

Еще одной теоретической новацией стал тезис Сорокина о том, что революционный период обязательно включает две стадии: эмансипацию и реакцию. Достижение свобод при разрушении старого репрессивного режима всегда приводит к подавлению свобод и репрессиям при закреплении и консервации нового режима.

Теория Сорокина, ядро которой составляет систематизация подавленных инстинктов и всплесков социально деструктивного поведения, лишь внешне представляется психологической и базирующейся на бихевиористской схеме «стимул — реакция». Приводимые самим Сорокиным исторические примеры действия так называемых инстинктов наглядно свидетельствуют, что если на нехватку элементарных продуктов питания все социальные группы реагируют примерно одинаково, то на ограничения возможностей для владения собственностью, для самореализации или для свободного общения первыми реагируют средние слои. И лишь при усилении ограничений к ним присоединяются социальные «низы». Так что по существу Сорокин, явно увлекавшийся в ранний период своего творчества бихевиоризмом, писал не об универсальных врожденных инстинктах и биологически обусловленном поведении индивидов, а о социально обусловленных потребностях, ценностях, социальных группах и их участии в структурной динамике.

«Социология революции» — поворотное в его научной карьере произведение: последнее, написанное в Европе, и последнее в бихевиористском стиле, первое о социокультурной динамике и первое социологическое в Америке. «Социологией революции» открывается ряд научных шедевров, который составляет вклад Питирима Сорокина в развитие мировой социологии: «Социальная мобильность» (1927), «Современные социологические теории» (1928), «Социальная и культурная динамика» (1937–1941).

* * *

Третья русская революция 1989–1993 годов¹ принесла с собой новый поворот в судьбе социологии Сорокина. События этого периода подтвердили тезисы Сорокина о шести причинах, трех компонентах и двух стадиях революции. Общий кризис советского режима к концу 1980-х годов можно легко разложить на предложенные Сорокиным шесть рубрик чреватого революционным взрывом подавления потребностей:

- 1) быстро нарастающий дефицит продовольственных товаров;
- 2) ограничения на возможность больше зарабатывать, заниматься частным предпринимательством, приобретать в собственность жилье, автомобили, земельные участки и т.п.;
- 3) людские потери в Афганской войне, репрессии против правозащитников, этнических и религиозных групп;
- 4) подавление проявлений сексуальности и насаждение ханжеской морали под лозунгом «В СССР секса нет!»;
- 5) отсутствие свободы передвижения и свободы слова;
- 6) идеологический контроль над художественным и научным творчеством, административные препоны для технических и организационных инноваций, номенклатурный режим карьерного продвижения.

Революция началась в 1989 году с разрушительной для старого режима борьбы самых разных социальных групп за гражданские свободы в ходе выборов народных депутатов СССР и массовых антикоммунистических демонстраций. Завершилась третья русская революция в 1993 году, прямо-таки по Сорокину, «обузданием» того парламента и тех оппозиционных гражданских движений, которые были движущей силой на первой стадии революции.

Крушение в ходе третьей русской революции режима идеологических ограничений сделало возможным, в том числе, и полноценное возвращение идей Питирима Сорокина в отечественную науку. С конца 1980-х годов стали одна за другой издаваться его книги — «Система социологии», «Долгий путь». Волной пошли публикации его статей в журналах «Социологические исследования», «Вопросы социологии», «Вестник Российской академии наук» и др. Начали выходить обзорные книги о его творчестве и сборники его избранных произведений.

Однако теория революции, созданная Сорокиным, не приобрела широкой известности и тем более — применения в период возрождения интереса к его наследию в 1990-х годах. Лишь в 2000-х созданная Сорокиным социологическая концепция революции стала особым предметом серьезного научного анализа. Отсутствие должного интереса к социологии революции Сорокина на фоне повышенного внимания в конце прошлого века к другим аспектам его творчества можно объяснить двумя факторами. Во-первых, сказалась общая усталость экспертов и публики от самой темы социальной революции, ключевой для марксизма, долгие десятилетия господствовавшего в общественном сознании. Во-вторых, для тех, кто в последние годы интересовался проблематикой революции, социологическая теория Сорокина «неудобна» тем, что дает структурные объяснения сложных процессов, а нынешние энтузиасты революций и их противники

1 Революция 1989–1993 годов — третья по отношению к первой (1905–1907) и второй (1917–1921) русским революциям. Принятое до сих пор вслед за большевистской историографией выделение октябрьского переворота 1917 года из общей цепи событий в особую «социалистическую революцию» совершенно нелогично. Революция — социальный процесс, в котором могут быть разные этапы, открываемые приходом к власти более радикальных группировок. Но это — отнюдь не новые революции. Поэтому те же историки не дробят на множество «революций» единые процессы, например, английскую (середина XVII века) или Великую французскую (конец XVIII века) революции.

	ПРАВЯЩАЯ ЭЛИТА	
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО	СМЕНА	СОХРАНЕНИЕ
СМЕНА	РЕВОЛЮЦИЯ	РЕФОРМЫ
СОХРАНЕНИЕ	ПЕРЕВОРОТ	БУНТ

Рис. 1. Матрица возможных исходов революционной ситуации

предпочитают упрощенный взгляд — концепцию технологии переворота. Популярная в последние полтора десятилетия концепция «цветных революций» предполагает, что можно искусственно создать народное недовольство при помощи хорошо построенной антиправительственной пропаганды и срежиссированных акций неповиновения властям.

Авторы таких концепций упускают из виду, что термин «революция» они применяют к переворотам, в ходе которых сменяется правящая элита, но не происходит смены государственного устройства и тем более — трансформации других социальных институтов (рис. 1). В реальной, а не виртуальной революции идеологические факторы — коммуникации, образы «плохой» власти и «хороших» революционеров, яркая атрибутика — знаки принадлежности к революции и т.п. — играют важную роль в «кристаллизации» протестных настроений, но сами настроения определяются структурными факторами. И апологетам, и критикам «цветных» квазиреволюций недостает того объективного анализа, который был проделан Сорокиным без малого сто лет назад.

Сорокин, перестав быть пропагандистом революции и став ее убежденным противником, все же старался быть объективным исследователем. И потому, хотя это и выглядит злой иронией истории, в главных своих положениях его теория совпала с теорией революции, созданной одним из самых преуспевших революционеров и политических оппонентов Питирима Сорокина — Владимиром Ульяновым (Лениным). В написанной в 1915 году статье «Крах II Интернационала» Ленин сформулировал три признака революционной ситуации: 1) кризис «верхов», которые не могут править по-старому, тогда как «низы» не хотят жить по-старому; 2) обострение нужды среди угнетенных классов выше обычного; 3) активизация народных масс, мобилизуемых как обстановкой кризиса, так и самими «верхами», привлекающими массы к «историческому действию». Для того чтобы революционная ситуация переросла в реальную революцию, к трем объективным условиям должно добавиться одно субъективное: способность революционного класса на массовое действие, достаточно сильное, чтобы сломить старое правительство. Легко заметить, что первый признак из ленинской формулы революционной ситуации практически совпадает с третьей составляющей революционного взрыва из формулы Сорокина, а первая и вторая составляющие очень напоминают второй и третий признаки.

Теории двух идейных противников в сумме дают наиболее адекватную модель революции. Ленин сформулировал свою теорию революционной ситуации раньше, Сорокин ее в своих работах игнорировал, но в итоге уточнил и развил именно ее. Сорокин отчетливо и детально представил те структурные предпосылки, которые у Ленина выведены в интуитивно понятных, но не вполне научных выражениях: «низы», «верхи» и «обострение нужды выше обычного». Сорокин дифференцировал «низы», то есть выделил социальные группы с разными ценностями и потребностями, показал мотивы их включения в борьбу и отхода от революции, в зависимости от степени подавления/удовлетворения их стремлений. Сорокин также показал неоднородность

«верхов» и роль конфликтов внутри властвующей элиты, часть которой может выступать на стороне революционных движений. Но особой заслугой Сорокина следует считать его концепцию революционного периода, включающего в себя вторую стадию — репрессивную, которая представляется куда более реалистичной, чем образ «диктатуры пролетариата» у марксистов.

Более поздние теории революции лишь повторяют и закрепляют достижения русской мысли, вынесенные из трагического опыта двух революций 1905–1907 и 1917–1921 годов. Например, наиболее влиятельная в конце XX века в западных социальных науках теория революции, созданная американской исследовательницей Тедой Скокпол, приобрела академическое влияние именно потому, что на фоне субъективистских моделей политического действия делала акцент на определяющей роли структурных факторов. Модель революционной ситуации у Скокпол в несколько иных терминах воспроизводит все ту же концепцию, выработанную русскими мыслителями и выстраданную в России: 1) кризис государства, вызванный экономическими и внешнеполитическими трудностями, ведет к расколу и ослаблению правящей элиты; 2) сложившаяся структура классового господства определяет, какие социальные группы становятся движущими силами революции.

* * *

После крушения в конце прошлого века коммунистических режимов казалось, что русская концепция революции стала достоянием историков и за последние два десятилетия была изрядно подзабыта социологами и политологами. Однако волна протестных движений, прокатившаяся вслед за глобальным экономическим кризисом 2008 года сначала по ближневосточным странам, а затем и по европейским — Греции и Испании, и по «околоевропейским» — России, Турции, Украине, — показала, что актуальна как раз классическая модель революции как структурного кризиса. Это та адекватная теория революции, которой недостает и радикалам, мечтающим свергнуть режим лишь при помощи креативных акций протеста, и консерваторам, надеющимся репрессиями против политических оппонентов сохранить статус-кво.

Можно снова говорить о злой иронии истории, но в России принцип «нет ничего практичнее хорошей теории» дает о себе знать и в 2017 году, юбилейном для великой и ужасной революции. Сюрпризом как для ниспровергателей, так и для охранителей становится сочетание экономического, политического и культурного кризиса, каждый из которых был вполне предсказуем по срокам, но до наступления магической даты «двадцать-семнадцать» не выглядел одним из факторов революционной ситуации. Для России проблема складывается из трех главных кризисов: кризис перепроизводства гламура в начале понижательной волны кондратьевского цикла²;

1) кризис легитимности режима плебисцитарной империи;

2) кризис массовой культуры, созданной поколением бэби-бумеров (от английского выражения *baby boom*), которое было открыто как социокультурный феномен американскими демографами, социологами и маркетологами в 1960-х годах.

Кризисы перепроизводства в мировой экономике регулярно происходят каждые восемь-десять лет. Например, в 2000 году был кризис перепроизводства ожиданий, когда лопнул «пузырь» на казавшемся столь многообещающим рынке акций «дотко-

2 Характерные для капиталистической экономики большие циклы конъюнктуры длиной примерно в пятьдесят лет открыл еще в 1920-х годах Николай Кондратьев, чьим именем такие циклы и названы. В первой фазе цикла экономическая конъюнктура высокая: цены (а значит, спрос) на инвестиционные товары, сырье, рабочую силу растут, темпы экономического роста — выше средних значений, кризисы перепроизводства неглубокие и периоды депрессии после них короткие. Вторая фаза цикла — это так называемая понижательная волна конъюнктуры: спрос относительно слабый, темпы роста — ниже средних, а циклические спады производства глубже и периоды депрессии длиннее.

мов» — интернет-компаний, инвесторы которых так и не дождались не только прибылей, но даже внятной бизнес-модели. В 2008 году был кризис перепроизводства доверия, когда лопнул «пузырь» на рынке деривативов — бумаг, ценность которых создавалась инвесторами, доверявшими надежности американского механизма ипотечных кредитов, безответственно раздававшихся в гигантских масштабах как раз в расчете на последующие доходы от выпуска деривативов. Нетрудно рассчитать, что очередной цикл «кризис — депрессия — оживление — бум — кризис» подошел к фазе лопнувшего «пузыря» как раз в 2016–2017 годах. После кризиса ожиданий и кризиса доверия следующим может стать кризис желаний.

Капитализм начала XXI века — это глэм-капитализм, для которого характерно превращение гламура из причудливой эстетики и стиля жизни вошедших в городской фольклор блондинок в ресурс и конкурентное преимущество. На рынках, перенасыщенных уже не только продуктами, но и брендами, прибыли интенсивно извлекаются из трендов. Поэтому товар должен быть агрессивно красивым и не просто новым, а сверхновым, чтобы быть желанным для потребителей, постоянно сталкивающихся с проблемой выбора и постоянно бомбардируемых рекламой.

В борьбе за самый дефицитный ресурс — внимание целевых аудиторий брендинг и имиджмейкинг как «высокие технологии» создания привлекательных образов сейчас теряют былую эффективность. Бренды конкурируют не с «обычными», не имеющими специфического образа продуктами, а с множеством так же выстроенных брендов. Когда конкурентное преимущество изощренного позиционирования и выстраивания оригинального образа утрачивается, рациональной стратегией оказывается создание образов максимально броских, простых и быстро сменяемых. Броская «упаковка» вещей, людей, идей при максимально простом содержании позволяет быть и заметнее, и доступнее для целевой аудитории — потребителей, избирателей, читателей. А безостановочная смена образов позволяет не тратить усилия на удержание внимания целевой аудитории, а возбуждать его в момент переключения на возникающий тренд. Поэтому именно гламур с характерными для него яркостью и незамысловатостью в последние два десятилетия оказался так востребован и потребителями, и производителями.

Сейчас гламур обнаруживает себя повсюду — от индустрии роскоши и высокой моды до финансовых рынков и высоких технологий. На основе таких компонентов эстетики гламура, как роскошь, эротика, экзотика, создаются гламуролюбивые продукты феноменально выросшими в прошедшие два десятилетия индустриями роскоши, гостеприимства, развлечений «для взрослых», моды, красоты и т.п. В нынешнем обществе потребления гламуролюбивые продукты воплощают абсолютный объект желания и обладают максимальным стоимостным потенциалом. Поэтому инвестиционный бум последних лет наблюдается как раз в тех бизнесах, индустриях, кластерах и регионах, где обеспечат наиболее эффективную имплантацию гламура в товары, организационные структуры и финансовые инструменты. Там же начнется и кризис перепроизводства, который повлечет за собой банкротства, массовые увольнения, невыплаты по кредитам, резкое падение уровня потребления, воспринимаемое увольняемыми работниками гламурно-промышленного комплекса как «обострение нужды выше обычного» и «подавление базовых инстинктов».

На фоне снижения уровня доходов глэм-капиталистов и глэм-профессионалов с завышенного до адекватного те, кто работает в «сырьевом секторе» глэм-капитализма, ощутят реальное обострение нужды. Сырьем для создания трендов служат бренды, без перепроизводства которых невозможно начать конкурентную гонку за трендовой составляющей добавленной стоимости. В свою очередь, сырьем для брендов служат продукты, без избытка которых на рынке невозможна конкуренция тех образов и символических благ, что создаются специалистами по брендингу, рекламе и PR. И внизу этой «пищевой пирамиды» глэм-капитализма оказываются те производители энергоносителей, материалов, сельскохозяйственных продуктов, которые не позаботились о создании на базе своих производств сильных брендов и уж тем более трендов. То есть «гибель» в США или Европе одной «акулы» глэм-капитализма — банкротство транснационального дер-

жателя ультрамодных брендов — приведет к массовому «вымиранию» офисного и фабричного «планктона» в Китае, Индии и, разумеется, в России, к остановке производств и увольнению работников в промышленном и сырьевом секторах. Стагфляция (сочетание стагнации и инфляции) в России в 2015–2016 годах показала, как кризис перепроизводства трендов в одном сегменте глэм-капитализма — на рынке виртуальных контрактов на покупку нефти — может негативно сказаться на стране, производящей сырье. И этот спад — лишь преддверие общего циклического кризиса.

Теперь нас ждет кризис перепроизводства, более глубокий, чем кризисы предыдущих тридцати лет. К такому прогнозу подталкивает статистика последних десятилетий, которая показывает, что относительно благополучное развитие мировой экономики в 1990-х и 2000-х пришлось на фазу высокой конъюнктуры, которую сейчас сменяет фаза понижения примерно на двадцать — двадцать пять лет.

По поводу болезненного, но терпимого кризиса 2008 года экономисты продолжают спорить: был ли он последним кризисом в первой фазе или первым кризисом во второй фазе кондратьевского цикла? Так что относительно грядущего кризиса можно быть вполне уверенными: произойдет то самое ленинское «обострение нужды выше обычного», и депривация примет тот «всеобщий характер» по Сорокину, когда специально организовывать акции протеста не придется — желающих окажется более чем достаточно в самых разных социальных слоях и группах. Тогда профессиональным оппозиционерам, у которых годами не получалось возглавить реальную борьбу с режимом, не нужно будет изыскивать скандальные случаи нарушения гражданских прав как поводы для протеста, а нужно будет воспользоваться неожиданно представившейся возможностью оседлать протестное движение и въехать во власть, хотя бы на время. В том, что падение уровня жизни и рост протестных настроений напрямую связаны, можно убедиться, анализируя данные опросов общественного мнения. Например, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), на вопрос «Если в нашем городе/сельском районе состоятся массовые акции протеста против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав, вы лично примете в них участие или нет?» в конце 2014 — начале 2015 года положительно отвечали 16% респондентов, а в начале 2016-го уже 26%. Конечно, не стоит думать, что все, отвечающие утвердительно, действительно выйдут на акции протеста. Но эти данные свидетельствуют о росте доли населения, воспринимающей такие акции как нормальные и даже желательные.

О роли в складывании революционных ситуаций такого структурного фактора, как понижение экономической конъюнктуры в рамках циклов Кондратьева, можно судить по таким историческим фактам: революция 1917 года произошла в начале понижательной волны III кондратьевского цикла, распад СССР в 1991 году — в конце понижательной волны IV кондратьевского цикла.

Перспектива политического кризиса в России в 2017–2018 годах выглядит не столь очевидной, как сто лет назад. Однако проблема в том, что в современном обществе, где нет больше веры в священное право на власть монархов — помазанников Божиих или в привилегии аристократии как благородного сословия, легитимность власти должна периодически подтверждаться демократическими выборами. За годы правления Владимира Путина «укрепление вертикали власти» привело к созданию плебисцитарной империи, в которой народное волеизъявление сохраняется лишь как своего рода неизбежное зло и для государственной бюрократии, и для инертной массы электората. Снижена частота и сужена сфера применения выборов как средства легитимации власти, волеизъявление сделано управляемым — то есть, плохо поддающийся управлению плюрализм сведен к заведомо предсказуемому выбору из двух вариантов: «согласен» и «не согласен».

В 2000, 2004, 2008, 2012 годах президентские выборы проходили на благоприятном фоне экономической стабильности. Поэтому в ходе голосования без серьезных проблем воспроизводилась типично имперская структура, где есть «центр» — устойчивое большинство согласных с «укреплением вертикали власти», и есть «периферия» — беспокойное, но, в общем, зависимое и контролируемое меньшинство

несогласных, занятых безнадежным собиранием «горизонталей гражданского общества». Но по злой иронии истории, подшутившей над авторами поправок в Конституции РФ, удлинившими в конце 2008 года сроки мандата парламентариев и президента страны, соответственно, до пяти и шести лет, следующие избирательные кампании должны проводиться как раз в кризисный период.

По данным опросов ВЦИОМ, доля респондентов, готовых голосовать на парламентских выборах за партию «Единая Россия», после присоединения Крыма весной 2014 года выросла с 40–43% до 58–60%, достигла пика — 60,6% — в феврале 2015 года, но сократилась до 52–54% к ноябрю-декабрю 2015 года, когда, по старому Основному закону, должны были бы состояться выборы, и вернулась на практически «докрымский» уровень в 43–45% летом 2016 года. Уровень одобрения деятельности Путина на посту президента также медленно снижается: с рекордных 89,9% в октябре 2015-го до 79,8% в июле 2016 года. Но еще более показательна динамика ответов на вопрос: «Все мы одним людям доверяем, другим — нет. А если говорить о политиках, кому вы доверяете, а кому — не доверили бы решение важных государственных вопросов?». Доля респондентов, упоминающих Путина, в период «Крымской весны» 2014 года подскочила с 50% до 70%, но упала до 55–57% весной 2016 года и продолжает снижаться.

В ситуации затяжного экономического кризиса и усталости населения выросшая в первое десятилетие XXI века за счет нефтедолларов правящая элита — суверенная бюрократия — неизбежно обнаружит свою слабость. До сих пор ей удавалось преуспевать и быть сверхновыми «хозяевами жизни», соединяя имперские традиции (от византизма до большевизма) с политтехнологиями западной глэм-демократии, организующей конкуренцию кандидатов в стиле коммерческой рекламы и шоу-бизнеса. Гламурные прожекты «русского консерватизма» от Бориса Грызлова и столь же гламурные прожекты модернизации и «умной экономики» от Дмитрия Медведева легко уживались до сих пор, поскольку весь этот глэм был лишь следованием образцу, задаваемому имиджмейкерами подлинного лидера «Единой России».

Образ самого гламурного российского политика, Владимира Путина, выстроен в полном соответствии с принципами яркости, простоты и трендовости. Он породил политическую моду на оценку стоимости наручных часов, обездвигивал тигров, стал секс-символом, любит появиться в ярком комбинезоне пилота или в яркой «Ладе Калине», может сверкнуть тренированным торсом и выйти на одну сцену со «звездами» хит-парадов и номинаций. Он же развил излюбленный жанр деятельности суверенной бюрократии — суперпроекты «для народа». Суперпроекты создают ту густую пелену медийно-административного гламура, сквозь которую народ и правящая элита видят друг друга в розовом свете и в которой кремниевая опричнина Сколково предстает «модернизационным кластером», а проектно-откатная логика жизни суверенной бюрократии — «русским консерватизмом».

Политический гламур, обволакивающий через СМИ наше общество, позволяет глэм-бюрократии быть вполне самодостаточным сообществом. С населением суверенные бюрократы приходят в соприкосновение лишь тогда, когда результатом их бюджетно-откатной деятельности оказывается коррупция с человеческими жертвами. События в Кондопоге в 2006 году, в Пикалево в 2009-м, в Хотьково, на Манежной площади в Москве в 2010-м показали, что, когда политика имиджей и презентаций развивается в мире, параллельном острым нуждам и жизненным интересам людей, сама собой возникает другая политика — массовые акции неповиновения и прямого насилия. Вот эта другая политика, которая игнорирует так виртуозно выстроенную легитимность режима, пока регулярно практикуется лишь разнообразными альтер-социальными движениями — от футбольных фанатов и скинхедов до «кавказцев» и антифа. Но когда экономический кризис и вынужденная избирательная кампания сходятся в одном году, политический трэш станет серьезным вызовом политическому гламуру.

В 2017 году, как и сто лет назад, «верхи» (по Ленину) или «группы порядка» (по Сорокину) не могут уже править по-старому, то есть красуясь на телеэкранах в окружении то отборных «звезд» шоу-бизнеса, то тщательно отобранных «людей из наро-

да», демонстрирующих свою безграничную любовь и поддержку. Глэм-бюрократия может доминировать только в выстроенном вокруг «вертикали власти» клиентском обществе, где потребление и коммуникации стали заменителями собственно общественной жизни. Попытка заменить клиентское общество мобилизационным, где баланс «хлеба и зрелищ» грубо нарушен, а уровень потребления принесен в жертву уровню глэм-патриотизма, не выглядит успешной, если судить по снижающимся после недолгого подъема рейтингам властных институтов. И когда из-за вызванного экономическим кризисом дефицита бюджета массы традиционных клиентов вроде пенсионеров и многодетных родителей больше не удастся охватить заботой в виде национальных проектов, а еще появится множество людей, вообще не охваченных такими проектами и вовсе не захваченных массмедийным гламуром, — тогда «верхи» глэм-бюрократии столкнутся с уже неуправляемыми «низами», невосприимчивыми к старым имиджам и способам их трансляции.

* * *

Перспектива культурного кризиса в России сейчас связана с общей для всей западной цивилизации сменой поколений. В современном обществе культура — это ценности, то есть идеи, стоящие затрачиваемых сил, а то и самой жизни, плюс способы их трансляции, то есть средства коммуникации. Ныне господствующая и непрерывно критикуемая массовая культура, сводимая к потреблению и коммуникации, сформировалась при жизни одного поколения. Это поколение бэби-бумеров. Тогда выросли дети послевоенного десятилетия высокой рождаемости и экономического процветания. Это поколение оказалось носителем культуры, новой по сравнению с целой чередой предшествующих поколений. Бэби-бумеры создали культуру поклонения гуманистическим идеям и литературе, но подчинения брендам и телевидению. Наши бэби-бумеры несколько отличаются от американских по своим ценностным ориентациям. В Америке бэби-бумеры характеризуются идеализмом, у нас — прагматизмом, который так помогал наиболее преуспевшим из них строить карьеру и дом — полную чашу в конце советской эпохи.

В 2017 году многочисленное поколение бэби-бумеров, родившихся в середине 1940-х — начале 1960-х, практически в полном составе вошло в пенсионный возраст, но вряд ли его представители полностью оставят руководящие посты в экономике, государстве, массмедиа. Их ухода будут нетерпеливо дожидаться, а в некоторых случаях настойчиво добиваться лидеры следующего поколения, названного аналитиками «Generation X». Это поколение родившихся в середине 60-х — конце 70-х выросло в 1980–1990-х, а в 2000-х в большинстве своем стало прагматичными гедонистами и периодически отрывающимися от телевизора интернет-пользователями. Воспроизводимая благополучно осевшими на руководящих постах и «забронзовевшими» представителями старшего и среднего поколения культура оказывается чуждой новым поколениям.

К 2017 году уже полностью повзросло поколение родившихся в 1980-х — начале 1990-х. Самым амбициозным из этого «Generation Y» уже под тридцать и за тридцать, а по-настоящему самоутвердиться им позволено только в сетях публичности, больше известных ныне под названием «социальные сети» (хотя социальность их более чем сомнительна). Сейчас в России сформировалось общество со множеством мобильных, но без социальной мобильности, то есть без нормально функционирующей системы продвижения к высоким статусным позициям. Новое поколение не предано ценностям, на которых строится система статусов «бумеров» и «иксов». Поэтому продвижение «игреков», которых можно назвать в силу их ценностных ориентаций активистами, но которые ценят работу лишь как «точку доступа» к ресурсам и коммуникациям и хотят признания лишь в своем кругу («племени»), в этой системе будет тормозиться даже без всякого злого умысла. Их идеи и действия «бумеры» и «иксы» попросту не будут понимать и потому не будут ценить. А на подходе уже следующее поколение, ценностные ориентации которого только начали оформляться к 2017 году, но в любом случае будут отличаться от ценностей поколений «бумеров» и «иксов».

Новые поколения отличаются от старших по своим ценностным ориентациям, а с точки зрения коммуникаций они и вовсе «инопланетяне». Уже сейчас невозможно через газеты и телевидение эффективно воздействовать на умонастроения и поведение «игреков», а накануне 2017 года развернулась настоящая культурная революция, связанная с переходом Интернета к версии Web 3.0. В конце 1980-х возник Интернет первого поколения (Web 1.0), который предоставлял пользователям возможность доступа к ресурсам, созданным профессионалами в программировании и веб-дизайне. Через десятилетие появились интернет-ресурсы второго поколения (Web 2.0), которые дают возможность неквалифицированным пользователям — юзерам самим создавать контент и заполнять этим контентом предоставляемые профессионалами сайты-платформы, что и привело к интенсивному развитию так называемых социальных сетей. Сейчас возникает Web 3.0, где пользователи могут сами, минуя серверы, централизующие сети, создавать платформы для размещения контента и предоставлять доступ только «своим». Так формируется не подконтрольная масскульту контркультура.

Первые признаки новой стадии развития всемирной сети можно видеть в буме мессенджеров, мобильных приложений и онлайн-сервисов по созданию самодельных сайтов и приложений. Возникают сети, внезапно быстро и на неожиданной основе объединяющие и мобилизующие пользователей. Свежий пример мобильной игры Pokemon GO, ставшей трендом в 2016 году, показывает, как «ниоткуда» может возникнуть скоординированное движение, к встрече с которым властные и правоохранительные институты не готовы. С наступлением Web 3.0 морально устареют пережившие в недавнем прошлом бум централизованные и потому достаточно легко блокируемые, контролируемые, а в России еще и подверженные рейдерским захватам сети публичности вроде ресурса «ВКонтакте».

В новых поколениях гораздо больше образованных или просто информированных людей. В 2017 году высшее образование (правда, не высшего качества) есть у 30–32% трудоспособного населения (в Москве и Санкт-Петербурге — у 45–50%). То есть этот показатель удвоился по сравнению с началом века. Английский язык знаком хотя бы на уровне школы 10–12 миллионам человек, что примерно в полтора раза выше показателя начала века. Компьютеры есть в 45–50% домохозяйств, то есть, степень компьютеризации выросла в четыре-пять раз по сравнению с первыми годами столетия. Но при этом «культурный капитал» становится «второй грамотностью», то есть элементарными навыками, которые не дают гарантий успешной карьеры и достатка, как это было еще лет двадцать-тридцать назад. «Культурный капитал» больше не гарантирует и усвоения гуманистических идей, толерантности и уважения социальных норм. Они не оправдывают ожиданий тех многочисленных формально представителей среднего слоя, которые фактически оказываются «низами». Вот эти «низы» в 2017 году, прямо-таки по ленинской формуле, и не хотят жить по-старому.

Правда, в ленинской формуле революционной ситуации «низы» — это пролетариат, народные массы. Но история иронично доказывает, что в действительности революцию всегда делают молодые и энергичные буржуа из «низов» благополучного среднего слоя. Адвокатами были Дантон и Робеспьер, врачом и затем журналистом — Марат, адвокатом и журналистом — Карл Маркс, фабрикантом — Фридрих Энгельс, адвокатом — Владимир Ленин, журналистом — Лев Троцкий, врачом — Эрнесто Гевара, больше известный как Че.

В отличие от идеологически заданной ленинской концепции «низов» как пролетариата, в теории революции Питирима Сорокина хорошо видно, что народные массы становятся ударной силой против старого режима, когда действуют факторы 1, 2, 3 — голод, обнищание, угроза самосохранению. Молодые и энергичные буржуа становятся движущей силой революции уже тогда, когда действуют факторы 4, 5, 6 — сексуальная депривация, подавление гражданских свобод, торможение социальной мобильности.

Итак, сверхновые «низы» будут энергично не хотеть жить по-старому, «верхи» будут не в состоянии управлять по-старому, поскольку их способы воздействия: вспо-

моществование клиентским группам и политический гламур, транслируемый через традиционные СМИ, — неэффективны в случае недовольных молодых людей, оперирующих новыми коммуникационными технологиями. Таких людей к моменту триединого структурного кризиса в стране будет гораздо больше, чем в декабре 2010 года на Манежной площади или в декабре 2011 года на Болотной площади в Москве. Их недовольство экономикой, политикой, культурой будет гораздо интенсивнее и устойчивее вспышек недовольства футбольных фанатов бездействием правоохранительных органов, недовольства русских националистов миграционной политикой или недовольства избирателей нарушениями при подсчете голосов. А практикуемые недовольными молодыми людьми способы использования средств коммуникации для мобилизации участников партизанских акций, координации действий и организации отхода в «каменные джунгли» окажутся неприятным сюрпризом для правоохранителей, застрявших в «информационной культуре» прошлых поколений.

Таким образом, когда сойдутся в одном году экономический, политический и культурный кризисы, Россия может очень сильно измениться, и изменения тогда будут быстрыми и болезненными. Вопрос, каким может стать решение проблемы, требует отдельного и длительного обсуждения. Но можно уверенно утверждать, что капитализм продолжится, пусть и не такой гламурный и олигархический, как теперь. И империя продолжится, пусть и не такая коррумпированная и москвоцентричная, как теперь. И массовая культура продолжится, пусть и не такая глянцева и телевизионная, как теперь. Такова уж ирония судьбы российских революций. Они, одна за другой, вот уже более столетия подвигают наше общество болезненными рывками от традиционализма к тому типу развития, смысл которого как раз и состоит в экономическом росте, совершенствовании государства, экспансии культуры в массы. И процесс еще не завершен.

Питирим Сорокин в середине 1920-х годов назвал революцию «худшим способом улучшения» условий жизни и социальной организации. Реформы, постепенные, научно обоснованные и апробированные на локальных объектах, представлялись ему лучшим способом. Но в современных условиях перманентных и интенсивных изменений реформы могут быть эффективны лишь в том случае, когда они своевременны и не запаздывают по отношению к социокультурной динамике. Социокультурный аутизм властвующей элиты, ее отставание от социокультурной динамики, неспособность к перманентным инновациям и постепенным реформам способствуют тому, что такие регулярные, циклические процессы, как спады в экономике, процедуры передачи власти в политике, смены поколений превращаются из нормальных фаз обновления в проблему болезненной смены социальной системы. Проблема, как и всякая другая, назревает при одном главном условии: если вы не занимаетесь проблемой, проблема займется вами.